

*Фионе Коллинз и Кэз Финли:
лучшим друзьям, о которых
может мечтать писатель.
И вам, Розы и Луис, — с любовью.*

Пролог

Она спускалась по лестнице словно в замедленной съемке. Бархатистый ворс ковровой дорожки мягко пружинил под ногами. Держась за перила, чтобы не потерять равновесие, она чувствовала под пальцами гладкое отполированное дерево. Сквозь стекло в двери проникали закатные лучи солнца, многоцветным калейдоскопом освещавшие коридор, и навсегда впечатался в сознание удушливый и сладкий аромат роз. Голова гудела от напряжения; на последних шагах в глазах потемнело, и она чуть не упала, но солнце сместилось, взгляд сфокусировался, и картинка стала сверхчеткой.

Неестественно изогнутое тело — к тому моменту она уже знала, что это всего лишь тело, он мертв, — лежало в странной позе. Кровь тонкой струйкой вытекала из уха.

Осторожно опустившись на колени, она приложила два пальца к сонной артерии. И ничего не ощутила, кроме тепла кожи. Никаких признаков жизни. Она вновь и вновь прижимала пальцы, не понимая, на что надеется. Бесполезно.

Ноги дрожали. Она с трудом поднялась, не зная, что делать, и вдруг заметила, что в прихожей как будто потемнело. Она испуганно подняла голову и увидела в зеркале отражение человека. Кто-то смотрел на нее через стекло в двери. А значит, все видел.

Глава 1

Руби

Дорога домой заняла целую вечность. Я ушла с работы пораньше, чтобы выехать из центра до вечернего часа пик, но машины уже еле ползли. Не редкость в пятницу вечером, но обычно это не волновало, и только сегодня впервые за много лет мне не терпелось оказаться дома.

Стоял конец июня; небо затянули тучи, в душном влажном воздухе пахло грозой. Несмотря на включенный на полную мощность кондиционер, я все так же потела. Дожидаясь, пока машина впереди тронется с места, я переключила радио с новостного канала на музыку, никак не могла сосредоточиться.

Запищал телефон — сообщение от Тома, моего мужа.

Выехал из Лондона. Буду около семи. Целую.

Я написала «ОК», добавила крестик, обозначающий поцелуй, и, отключив звук, вернула телефон в сумочку. Я не хотела, чтобы меня беспокоили: мне нужно было подумать.

В конце концов движение возобновилось, я так и не поняла, откуда взялась пробка. Ни разбитых автомобилей, ни полиции, ни «скорой». Просто затор, который внезапно поехал. Я надавила на газ, радуясь, что вновь двигаюсь к цели.

Повинуясь внезапному импульсу, я свернула к железнодорожной станции, от которой до дома было всего пару миль. Надо проверить, убедиться.

Я рассматривала каждую машину, мимо которой проезжала. От Тома можно ожидать чего угодно. Он мог сказать, что еще едет в поезде, а на самом деле уже подъезжать к дому на машине. У меня нет причин быть на станции, и если он меня увидит, то подумает, что я куда-то собралась или возвращаюсь. Что бы я ни сказала, все равно будет меня подозревать. Впрочем, сейчас это не имеет значения. Жребий был почти брошен.

И все же, увидев его машину, я облегченно вздохнула. Том оставил ее довольно далеко от входа. Я вспомнила, как утром он вышел из дома в шесть часов, чтобы успеть на ранний поезд. Он был раздражен, никак не мог найти бумажник и торопился. Я лежала в постели, притворяясь спящей, и прислушивалась.

Колеса машины были повернуты, так что я представила, как он резко затормозил, заехав на парковку, схватил с заднего сиденья портфель и хлопнул дверцей, выскочив из машины. Лицо сердитое, губы сжаты в узкую полоску.

У меня свело живот от этого образа, и я быстро выехала со стоянки. Мне нужно домой.

На фоне затянутого тучами неба наш дом выглядел темным и неприветливым. Припарковавшись на обычном месте на обочине перед домом, я огляделась по сторонам. Никого. Я постаралась вернуться раньше Оливера — нашего соседа. Обычно мы оба возвращались с работы сразу после шести и болтали на дорожке между домами, пока не появлялся Том. К счастью,

Оливера не было, однако он мог появиться в любую минуту. А мне не нужны свидетели.

Задним ходом я подъехала к гаражу и прошла через садовую калитку позади дома. Открыла дверь кухни и прислушалась. Все тихо. Я сняла с крючка ключ от сарая и вышла.

При мысли о том, что я задумала, у меня на секунду перехватило дыхание, а сердце ушло в пятки.

Два больших чемодана стояли там же, где я их поставила в восемь утра. Оглядываясь по сторонам, я торопливо отнесла их в багажник. За чемоданами последовала сумка для ручной клади, которую я купила перед последним путешествием за границу. Тогда я даже не подозревала, при каких обстоятельствах она мне пригодится. И еще несколько сумок, принесенных в сарай утром: с полотенцами, постельным бельем, феном и туалетными принадлежностями. Ноутбук. Книги я упаковывать не стала: машина не резиновая, заберу потом. Последней в багажник отправилась папка с бумагами: свидетельство о рождении, свидетельство о браке, документы на дом, страховка, банковские выписки, паспорт. Я сама удивилась, как много всего пришлось взять, а еще больше — сколько оставить. Засунув очередную сумку в багажник, я каждый раз его закрывала — на всякий случай, хотя прекрасно отдавала себе отчет: это паранойя. Том приедет через час, не раньше.

Закончив грузить вещи, я навела порядок в сарае и даже быстренько подмела пол, чтобы скрыть следы, а затем переставила машину. На дорожке помещались две машины, но только друг за другом, и это было неудобно по утрам, если тот, кто приехал первым, выезжал раньше. Я давно привыкла все делать так, как удобно

Тому, и оставляла свою машину на улице. Теперь это сыграет мне на руку: проще будет сбежать.

Вернувшись в дом, я повесила ключ от сарая на крючок возле задней двери и убедилась, что он не раскачивается. Ничто не должно меня выдать.

Просторная кухня с выходящими в сад французскими окнами дышала чистотой и уютом. Горшки с цветами в залитом солнцем внутреннем дворе радовали буйством красок. Когда мы здесь только поселились, кухня и сад стали моей гордостью и отрадой. Тогда у меня еще были фантазии о неспешных воскресных обедах, детях, бегающих по лужайке, субботних ужинах с друзьями и поздних завтраках по выходным в халатах, с газетами и планами на день. Все оказалось не совсем так. Постепенно кухня превратилась в единственное место в доме, которое я могла считать своим. Даже мои книги переместились в комнату для гостей. Лишь в кухне я могла делать, что хочу, украшать ее по своему вкусу. Однако с годами готовка превратилась из удовольствия в рутину и радовала только во время визитов моего пасынка-подростка Джоша.

Оглядев, возможно, в последний раз любимую кухню, я вдруг запаниковала. Наверное, надо было приготовить Тому что-нибудь на ужин. Нет, бредовая идея. Глупо. Да и что готовить? Обычный ужин, который напомнит ему, чего он лишился? Или что-то особенное, соответствующее моменту?

Ну, что готовить, я, положим, знала. Это было написано на листке из блокнота, примагниченном к дверце холодильника. Том составлял меню каждую неделю. Сегодня в нем значилось тайское карри. У меня от волнения вспотели руки. Открыв холодильник, я обнаружила в нем все необходимые ингредиенты.

Нет, карри он сегодня не дождется. В холодильнике полно еды, голодная смерть Тому не грозит. На полке для вина лежит десять бутылок, хотя к утру их явно поубавится.

Я бродила по комнатам, проверяя, не забыла ли что-нибудь важное. Меня не покидало чувство, что я уезжаю из отеля — словно всегда знала, что уеду отсюда. Я прожила в этом доме почти двенадцать лет, но занимала в нем очень мало места.

На каминной полке в гостиной стояла рамка с фотографией Джоша. По выражению лица было видно, что мальчик не хотел фотографироваться. На другом снимке мы втроем в «Диснейленде» — первая наша совместная поездка на отдых, Джошу было семь. К тому времени я прожила с Томом уже два года. Мальчик просто сиял от радости, и я тоже выглядела счастливой. Была счастливой! Я коснулась снимка кончиками пальцев. На моем лице не было ни морщин, ни тревог. Не могу вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя так хорошо. Пару дней назад, когда Том принимал душ, я сфотографировала недавний снимок Джоша и отдельно его лицо со старого, чтобы потом распечатать.

Я поискала взглядом планшет — подарок мужа на мой тридцать шестой день рождения. Том купил самую новую модель и пользовался им чаще меня. Вечером перед отъездом Том поставил планшет на зарядку и, наверное, взял с собой в Лондон. Ну и пусть. Оставлю ему. Мое сердце забилось быстрее. Все это не важно.

Я бросила взгляд на все еще пустую подъездную дорожку и помчалась наверх. В ванной все было как обычно. Я упаковала зубную щетку и свои туалетные

принадлежности. Разумеется, Том увидит, что они исчезли. Шкафчик с бельем остался полным. Я взяла только пару постельных комплектов и полотенца из гостевой комнаты, а все остальное собиралась купить, как только смогу.

Спальня тоже выглядела как всегда. Естественно, когда Том откроет шкаф и комод, он заметит опустевшие ящики и полки. Я не смогла забрать все, но вещей явно стало меньше. Я с ужасом представила, как муж, разъяренный моим уходом, обыскивает комнаты и начинает понимать, что я планировала побег заранее. Утром у меня был всего час на сборы, а составлять списки заранее я не могла — боялась, что их найдет Том. Поэтому последние пару недель я старалась запомнить все необходимое, как в детской игре для развития памяти. Каждую ночь, лежа в постели, я мысленно составляла списки, а по дороге на работу проверяла себя, перечисляя пункты вслух.

На лестничной площадке перед комнатой для гостей стоял большой полиэтиленовый пакет, который Том собрал несколько месяцев назад, чтобы отдать в благотворительный магазин. На прошлый день рождения мужа я купила ему подарки, на которые он давно намекал: книгу о его любимом фотографе, новый чехол для фотоаппарата и рубашку, отмеченную им на сайте.

— Интересный выбор, — пробормотал Том, откладывая подарки в сторону.

У меня упало сердце. Я же знала, что не стоило все это покупать без его согласия. Точнее, без разрешения.

Он поблагодарил меня за подарки с таким выражением, что я не удержалась от вопроса.

— Что не так? Тебе не нравится?

— Нет, все нормально, — мотнул головой Том. — Просто грустно: когда становишься взрослым, день рождения уже не приносит особой радости.

В тот день я потратила на него целое состояние: подарки, дегустация виски для именинника и его друзей, ужин в ресторане в Ливерпуле. Я с трудом могла себе это позволить, но мне хотелось порадовать Тома. Естественно, ничего не вышло. А через несколько дней появился злосчастный пакет.

— Забросишь в благотворительный магазин, если не трудно? — попросил Том.

Заглянув в пакет и обнаружив там свои подарки, я чуть не расплакалась от обиды. Пакет так и остался стоять на площадке — молчаливое напоминание о крахе нашей совместной жизни. Мне захотелось пнуть его, но я знала, что Том расценит это как свою победу, поэтому просто прошла мимо.

Из гостевой мне нужны только книги, но за ними я вернусь позже. Рядом с книжным шкафом стоял гардероб с зимней одеждой, которую я тоже не стала упаковывать — лето на дворе. И вдруг я вспомнила, что упустила очень важную вещь. В глубине шкафа, спрятанная за запасными подушками, стояла шкатулка. Я давно ее не вытаскивала: не хватало духу. Как я могла забыть?

Только я потянулась за ней, как услышала звук подъезжающего автомобиля. Хлопнула дверца. Сосед вернулся с работы. Я вернула шкатулку на место и затолкала поглубже. Если Оливер увидит, что я иду к машине, ему захочется поболтать. Если он заметит набитую вещами машину, то непременно поинтересуется, куда я собралась. Рисковать нельзя, вернусь за шкатулкой в другой день.